

Джерела та література

1. Александр Матвеев / Альбом. – М. : Советский художник, 1979. – 382 с.
2. *Бабурин Н.* Скульптура малых форм. – М. : Советский художник, 1982. – 240 с.
3. *Воронов Н.В.* Михаил Михайлович Тараев. – Л. : Художник РСФСР, 1983. – 99 с.
4. Декоративное искусство СССР. Ежемесячный журнал. – М. : Советский художник, 1(374). 1989. – 48 с.
5. *Моздир М.І.* Українська народна дерев'яна скульптура. – К. : Наукова думка, 1980. – 194 с.
6. Ольга Рапай / Альбом. – К. : Дух і літера, 2007. – 96 с.
7. *Светлов И.Е.* О советской скульптуре 1960–1980. – М. : Советский художник, 1984. – 248 с.
8. *Тиханова В.А.* Лик живой природы. – М. : Советский художник, 1990. – 240 с.
9. *Турчин В.С.* Монументы и города. – М. : Советский художник, 1982. – 160 с.
10. *Чарновський О.* Українська народна скульптура. – Л. : Вища школа, 1976. – 144 с.
11. *Школьна О.В.* Київський художній фарфор ХХ століття. – К. : День Печати, 2011. – 400 с. : іл. – укр., рос. мовами.
12. kievporcelain.com.ua
13. ukr.rs.gov.ru

Лампека Н.Г. Владислав Щербина – ведущий пластик украинского фарфора второй половины XX столетия

Делается попытка исследования творчества известного мастера фарфоровой скульптуры В. Щербина, внесшего значительный вклад в развитие украинского изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Первоочередной задачей исследования является определение истоков его искусства, классификация и периодизация, проведение сравнительного анализа с произведениями современных скульпторов, работавших с фарфором.

Ключевые слова: Владислав Щербина, скульптура, КЭКХЗ, фарфор.

Lampeka M.G. Vladislav Shcherbina – a leading sculptor Ukrainian porcelain second half of the XX century

An attempt to study art porcelain sculpture of a famous master V. Shcherbina, who made a significant contribution to the development of Ukrainian fine and decorative arts. The primary aim of this study is to determine the origins of his art, classification and periodization, a comparative analysis of works by contemporary artists working with porcelain.

Key words: Volodyslav Shcherbina, sculpture, KECAP, porcelain.

Подано до друку: 07.06. 2013 р.

УДК [001:930](477.75)–057.4

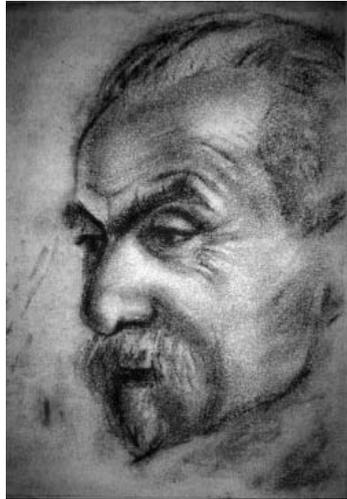
А.А. НЕПОМНЯЩИЙ

Крымские сюжеты биографии Н.Я. Марра

На основе эпистолярных источников из Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук, которые впервые вводятся в научный оборот, восстановлены научные и личные коммуникации с председателем Государственной академии истории материальной культуры Николаем Марром ведущих крымоведов эпохи – Константина Гриневича и Арсения Маркевича. На материалах новых документов восстановлено влияние ведущих деятелей науки на проведение крупных крымоведческих мероприятий, которые проходили в то время в Крыму, в т.ч. – двух Конференций археологов СССР в Керчи и Херсонесе. Восстановлены неизвестные страницы истории крымоведения.

Ключевые слова: Н.Я. Марр, К.Э. Гриневич, А.И. Маркевич, крымоведение, Конференции археологов СССР в Керчи и Херсонесе, эпистолярное наследие.

Роль крупнейшей фигуры в истории крымоведения – Арсения Ивановича Маркевича – казалось, уже полностью очерчена десятилетие назад [1]. Однако наши поиски в ведомственных архивах Санкт-Петербурга последних лет позволили выявить новые направления в многогранной работе ученого, в частности – в области изучения и охраны культурного наследия. Судьба личного архива Арсения Ивановича восстановлена. В разное время, по частям, А.И. Маркевич передавал свой эпистолярный архив в музей Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). Так, протокол заседания Комиссии от 19 мая 1920 г. фиксирует, что «А.И. Маркевич пожертвовал для музея Комиссии 106 писем к нему разных

Н.Я. Марр

лиц и 40 приглашений и почетных билетов на разного рода торжества». 1 февраля 1925 г. А.И. Маркевич передал в дар Обществу письма председателя Московского археологического общества П.С. Уваровой (18 писем), археолога-любителя, секретаря Военно-исторического общества по разряду военной археологии и археографии Н.М. Печенкина (18 писем) и нумизмата О.Ф. Ретовского (9 писем) [2, с. 6–8]. Архив Таврической ученой архивной комиссии после установления советской власти был распылен. В фонде ТУАК, отложившемся в Госархиве в Автономной Республике Крым (ф. 161), переписки ученых с А.И. Маркевичем нет. Гораздо более репрезентативными оказались документы ТУАК, хранящиеся в фондах Крымского республиканского учреждения «Центральный музей Тавриды». Среди анкет по обследованию археологических памятников, списков членов Комиссии, протоколов заседаний сохранилась и обширная переписка. В частности, выделяется корпус писем Арсения Ивановича к А.Л. Бертье-Делагарду, датированный 1903–1917 годами. Вместе с тем, благодаря ставшим доступными письмам дочери Арсения Ивановича Е.А. Кошляковой, адресованным в музей Симферопольской гимназии, стало известно, что основная интереснейшая часть эпистолярия, которая скрупулезно собиралась руководителем крымских краеведов в отдельных папках, подписанных именем корреспондента, была уничтожена Арсением Ивановичем (сожжена) в связи с объективной боязнью, что письма эти могут быть легко использованы против него и членов его семьи. Поэтому мы работаем только с сохранившейся односторонней перепис-

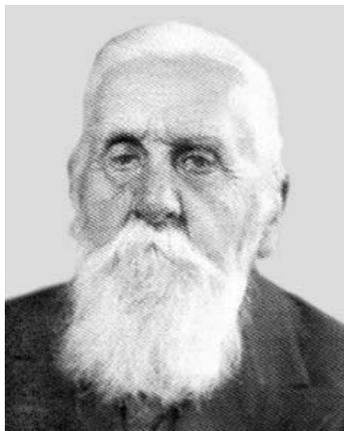
кой крымских ученых, определяя в текстах возможное содержание обратных посланий. Находка любых новых составляющих богатого эпистолярного наследия Арсения Ивановича Маркевича представляет значительный интерес. Именно таким открытием стали его письма к руководителю главной академической институции, занимавшейся изучением и охраной культурного наследия в СССР в 20–30-е годы XX века Николая Яковлевичу Марру.

Н.Я. Марр (1864–1934) – российский, советский востоковед-языковед, археолог-кавказовед – крупнейшая и до сих пор малоисследованная фигура советской исторической науки. Несмотря на появившиеся в последние годы исследования [3–5], значительная часть научной биографии ученого остается в тени. Не исключение и связи руководителя крупнейшего археологического учреждения СССР – Государственной академии истории материальной культуры с кривооведами в 20-е гг. XX в. Содержательную информацию по проблеме удалось выявить в личном архивном фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ПФАРАН) (ф. 800, оп. 1–9), где отложились письма к Н.Я. Марру крупнейших кривооведов эпохи – К.Э. Гриневича и А.И. Маркевича.

Основные вехи биографии Н.Я. Марра известны. Он родился в Кутаиси в семье ботаника, подданного Великобритании (мать – грузинка). Выпускник Кутаисской гимназии (1884). По окончании в 1888 г. факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета талантливый студент был оставлен на кафедре армянской и грузинской словесности для подготовки к профессорскому званию (1888–1891). После совершенствования знаний в Германии и Италии (1894–1896) он защитил магистерскую (1899) и докторскую (1902) диссертации по разряду словесности (армянской). Далее – служба приват-доцентом (1891–1900), экстраординарным (1900–1902), ординарным (1902–1916), заслуженным ординарным профессором (1916–1925) кафедры армянской и грузинской словесности. С 1907 г. Н.Я. Марр – член-корреспондент императорской Археологической комиссии, с 1909 г. – адъюнкт, а с 1912 г. – действительный член Академии наук по истории и литературе азиатских народов. В 1911–1919 гг. – декан факультета восточных языков столичного университета. Ученый стал одним из создателей и первым председателем Академии истории материальной культуры (с 1919 г.). В 1918 г., после отъезда А.А. Бобринского в эмиграцию, Н.Я. Марр становится председателем Российской государственной археологической комиссии. С этого времени он с перерывами возглавлял Российскую академию истории материальной культуры – Государственную академию истории материальной культуры до 1934 года. Ученый создал и возглавил Яфетический институт (1921 г.). В 1924–1931 гг. он также занимал пост директора крупнейшего в то время книжного

собрания СССР – Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. С 1930 г. он вице-президент Академии наук СССР. И только с этого же 1930 г. – член ВКП(б).

В среде специалистов по крымской археологии Николай Яковлевич уже был известен не только благодаря публикациям [6; 7], но и многочисленным выступлениям и комментариям на заседаниях императорской Археологической комиссии, Русского и Московского археологических обществ, которые публиковались в протоколах трудов этих организаций. Избрание Николая Яковлевича в действительные члены крупнейшего и авторитетнейшего крымского ученого научного содружества – Таврической ученой архивной комиссии – пришлось на бурный 1917 г. 27 июля 1917 г. Арсений Иванович как глава Таврической ученой архивной комиссии уведомлял письмом своего петроградского коллегу, что тот «в заседании от 12 июля 1917 г. единодушно избранный в её члены в уважение к Вашим неутомимым и плодотворным трудам на почве науки. Комиссия льстит себя надеждой, что Вы не откажитесь принять участие в её скромной деятельности по сохранению и изучению памятников истории и древности Тавриды» [8].

А.И. Маркевич

Наступивший перерыв в эпистолярном общении А.И. Маркевича и Н.Я. Марра был связан с перипетиями революционного лихолетья, когда постоянное почтовое сообщение между Симферополем и Петроградом было проблематичным. Переписка восстанавливается в начале 20-х гг. Однако полный объем писем А.И. Маркевича Н.Я. Марру не сохранился. Скорее всего, Николай Яковлевич, уничтожал часть посланий к нему, чтобы не стать впоследствии заложником выливавшейся на него от корреспондентов критики советской власти. Не исключено, что в своих первых письмах к Н.Я. Марру после окончательного установления советской власти на полуострове Арсений Иванович делился эмоциями по поводу новшеств политической жизни, уничтожения памятников истории культуры. Осколки переписки А.И. Маркевича с его петроградскими друзьями (Д.В. Айналовым, А.А. Васильевым, С.Ф. Платоновым, А.А. Спицыным) свидетельствуют, что в свойственной ему эмоциональной форме, лидер крымских краеведов не стеснялся критиковать новые порядки [9]. Из посланий к Н.Я. Марру периода советской власти сохранилось письмо А.И. Маркевича в Ленинград от 22 мая 1925 г.

Из его текста, круга обсуждаемых вопросов, становится ясным, что это продолжения отправленных ранее писем. Так, А.И. Маркевич благодарит Николая Яковлевича за полученное приветствие по случаю юбилея. Традиционно он сообщал о ходе своих научных разысканий: «А сейчас я ломаю голову над встречающимися в Крыму названиями урочищ, оканчивающимися на нда, как, напр., Орианда, Аунда, Масандра, Панда, Караиунда, Ургенда <...> которые я, конечно, отличаю от татарских, напр. Суянда» [10]. А.И. Маркевич советовался с Н.Я. Марром по поводу определения языка, носители которого стали прародителями данных названий. Он склонялся к тому, что это остатки языка тавров. «Думаю, что и некоторые из названий на тка, как Мшатка, Мухалатка, Сватка, очень древнего происхождения, не татар и не греческие» [11]. Арсений Иванович в это время действительно много работал над обобщающим трудом по крымской топонимике.

1926 год ознаменовался приездом Николая Яковлевича Марра в Крым в связи с исполнявшимся 100-летием со дня официального основания Керченского музея древностей. Столичные археологи и местные ученые силы объективно считали необходимым отметить столь знаковую дату проведением в Керчи крупной научной конференции. Конечно, подразумевался созданный по досоветским классическим академическим канонам Археологический съезд. Тем самым, наконец, реализовывалась мечта элиты советской археологии собраться для решения наболевших теоретических и практических вопросов. Однако всем было ясно, что о таком названии собрания советских археологов не может идти речи. За организацию конференции взялся Крымский отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и народного быта (КрымОХРИС) совместно с Керченским археологическим музеем.

В досоветское время состоялась пятнадцать археологических съездов, участниками которых стали наиболее деятельные силы историков, археологов и этнографов Российской империи. Уже запланированный на июль 1914 г. в Пскове XVI Археологический съезд был отменен в связи с началом Первой мировой войны [12; 13]. Все верили, что с окончанием военного противостояния, разрухи и голода очередной съезд все же состоится. Эти надежды лелеяли и ведущие археологи, сотрудничавшие в Российской академии истории материальной культуры – Государственной академии истории материальной культуры. Для проведения организационной работы были образованы три комитета – один местный крымский (КрымОХРИС и Керченский музей), второй – в Москве (в Главнауке) и третий – в Ленинграде (в Государственной академии истории материальной культуры). В.П. Бузескул и Н.Я. Марр являлись официальными докладчиками на Конференции от Академии наук СССР [14].

Во Всесоюзной конференции археологов СССР в Керчи участвовало 135 представителей научных организаций, что не многим уступало числу членов проводившихся в досоветской России областных археологических съездов. 5 сентября, перед открытием конференции, состоялось заседание организационного комитета, где был определен состав президиума конференции и утвержден распорядок ее работы. Председателем пленарных заседаний был избран профессор В.А. Городцов, а его заместителем – А.И. Маркевич, секретарем – К.Э. Гриневич. В президиум вошли представители государственных и областных учреждений из Москвы и крымских городов, в т.ч. – академики В.П. Бузескул, Н.Я. Марр [15], С.Ф. Платонов. Кроме пленарных заседаний проходила работа секций «Первобытной археологии», «Ирано-эллинской археологии», «Средневековой археологии» и «Тюрко-татарской археологии». Конференция открылась выступлением начальника Главнауки Федора Николаевича Петрова и докладом директора Керченского музея Юлия Юльевича Марти «Сто лет работы Керченского музея». На четырех пленарных заседаниях были заслушаны доклады академиков В.П. Бузескула и Н.Я. Марра, профессоров Т.А. Арне, В.А. Городцова, К.Э. Гриневича, А.И. Маркевича, А.А. Спицына. Были приняты резолюции, связанным с дальнейшим развитием археологических разысканий в СССР и необходимостью восстановления периодических археологических съездов.

Своими эмоциями о конференции в письме от 27 сентября 1926 г. к другу по студенческим годам академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому делился Виктор Иосифович Филоненко – интереснейшая личность фигура крымской довоенной ориенталистики: «Я был на Керченской конференции. Не знаю, как проходили раньше археологические съезды, но Керченская конференция носила какой-то карьерный характер. Для того, чтобы угодить кому-то, подчас искажалась сама истина. Особенно профессор Бороздин в этом отношении оказался виртуозом.

Несколько разочаровал меня и Н.Я. Марр. Как-то странно было слышать из его уст об «империализме в наших научных учреждениях» и том, что «всех старых ученых нужно разогнать», и чем скорее, тем лучше, и, наконец, шедевр всего – это тост на банкете «За здоровье первого турколога В.В. Бартольда и Коммунистическую партию!»

Главный доклад Николая Яковлевича [Марра – *авт.*] был – это «Скифский язык». Слушать и понимать Николая Яковлевича без привычки очень трудно. На своем «яфетическом коне» он, как вихрь, носится с Востока на Запад, с Запада на Восток, разбрасывая вокруг себя «третий элемент», «материальную культуру», «проблемы». Все как-то сторонятся, жмутся, боясь быть

раздавленными. А, в общем, все выступления Николая Яковлевича всегда сопровождалось шумным успехом» [16].

В дни проведения Конференции археологов СССР в Керчи руководитель Государственной академии истории материальной культуры прочитал «для местного пролетариата» лекцию о значении изучения в русле развития краеведения малых народов, в частности – крымских татар, караимов, крымчаков. Переработанный материал этой лекции был прочитан Н.Я. Марром на краткосрочных курсах по музееведению в Москве и затем опубликован в журнале «Краеведение» [17].

По возвращении в Ленинград В.П. Бузескул и Н.Я. Марр выступили в Собрании Академии наук с подробным отчетом о пребывании на Конференции археологов СССР в Керчи, где в тезисах повторили основные положения свои научных докладов [18].

В это время А.И. Маркевич активно занимался вопросом баллотировки в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Ему помогали в этом его столичные друзья – академики И.Ю. Крачковский, С.Ф. Платонов, А.Н. Самойлович. К Н.Я. Марру Арсений Иванович также обратился за обязательным для подачи документов для баллотировки отзывом о его работе на ниве изучения охраны культурного наследия. Такой разговор состоялся в Керчи во время одной из экскурсий, организованных для гостей Конференции. Одновременно председатель Таврического общества истории, археологии и этнографии просил ленинградского ученого прислать статью в готовившийся сборник трудов Общества. Из-за противодействия властей и краеведов «нового поколения» получить разрешение на издание сборника не удавалось. Его выход откладывался год за годом, что, безусловно, болезненно воспринималось А.И. Маркевичем. Вот почему он решил, как можно более наполнить его столичными знаменитостями. Николай Яковлевич оперативно прислал в Симферополь письмо поддержки для баллотировки А.И. Маркевича в члены-корреспонденты АН СССР, подготовленный под грифом Академии истории материальной культуры. В письме от 23 декабря 1926 г. А.И. Маркевич благодарил его за это [19].

В следующем письме, датированном 19 февраля 1927 г., А.И. Маркевич благодарил Н.Я. Марра и «за присылку статьи для сборника» Таврического общества истории, археологии и этнографии [20]. Интересно, что в связи с «отсутствием субсидий» предполагалось печатать «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии» исключительно за счет «самообложения» – путем сбора с авторов средств за публикации их статей. А.И. Маркевич высылал в Ленинград корректуру статьи [21]. Статья Н.Я. Марра раскрывала методологические особенности разработки крымской

топонимики. Этой же проблеме посвящены целые страницы его переписки с Арсением Ивановичем в это время. Н.Я. Марр настаивал на лингвистической подоплеке объяснения крымских топонимов, а А.И. Маркевич, не желавший вдаваться в тонкости филологических обзоров, старался уйти от лингвистики в своих исследованиях.

Первый выпуск «Известий» Общества было решено посвятить юбилею А.И. Маркевича, который отмечали в 1925 г. К этому времени и был подготовлен том, однако перипетии с его изданием позволили «подтянуть» многое весомые крымоведческие фигуры. Об этом говорилось на первой странице издания: «Выпуская после 7-летнего перерыва настоящий том своих «Известий» к 40-летию своего существования (1887–1927) Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии, бывшая Таврическая Ученая Архивная Комиссия, посвящает его своему долголетнему Председателю и руководителю своих работ, высокозаслуженному исследователю прошлого Крыма Арсению Ивановичу Маркевичу, дабы тем ознаменовать исполнившееся в 1926 г. 50-летие его научной деятельности и 70-летие со дня его рождения».

Среди авторов 37 статей юбилейного сборника – имена выдающихся ученых той эпохи – цвета советской исторической науки – друзей А.И. Маркевича: академиков Д.В. Айналова, В.В. Бартольда, С.А. Жебелёва, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, С.Ф. Платонова, А.И. Соболевского; член-корреспондента АН СССР – А.Н. Самойловича, профессоров И.Н. Бороздина, Б.В. Варнеке, Г.В. Вернадского, Ю.В. Готье, С.С. Дложевского, Н.С. Державина, В.В. Лункевича, Н.И. Новосадского, Е.В. Петухова, И.И. Толстого, В.И. Филоненко и др. В сборнике приняли участие и представители «новой волны» в крымском краеведении – О.Н. Акчокраклы, У.А. Боданинский, П.И. Голландский, К.Э. Гриневиц, Б.С. Ельяшевич, И.С. Кая, Ю.Ю. Марти, П.Я. Чепурина, Н.Л. Эрнст, Я.М. Якуб-Кемаль.

18 августа 1928 г. А.И. Маркевич сообщал в Ленинград:

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Только теперь, два года спустя после Керченского археол. съезда, напечатана моя статья о топонимике Крыма, представляющая мой доклад, сделанный на этом съезде [22]. Ваше внимание к моему докладу побуждает меня просить Вас принять от меня на память отпечаток этой статьи. Я не вдавался в ней в лингвистические проблемы, – моя задача в этой статье другая. Но глубоко буду благодарен, если Вы укажете мне промахи в моей статье, хотя бы существенные.

С глубоким почтением, А. Маркевич.
Симферополь, Архивная, 28 [23].

Далее в сохранившейся переписке А.И. Маркевича и Н.Я. Марра вновь значительная лакуна. Следующее письмо, отложившееся в личном архивном

фонде академика Н.Я. Марра, датировано 14 декабря 1932 года и отправлено с новой квартиры Арсения Ивановича (ул. Ленина, 18). Крымский ученый благодарит Николая Яковлевича за внимание к его рукописи по топонимике Крыма. Из текста письма становится ясным, что академик читал труд А.И. Маркевича и прислал в Симферополь объемный комментарий со своими замечаниями и исправлениями. А.И. Маркевич традиционно делился своими планами: «Теперь я заканчиваю другую работу, более существенную, на которую позволю себе также обратить Ваше внимание. Заглавие её: «Судьба памятников древности Крыма и их изучение». (Работа довольно большая, приблизительно 180 страниц моего письма большого (листового) размера. Она состоит из 3-х глав: 1. Состояние памятников древности Крыма во время присоединения его к России. 2. Судьбы их в эпоху русской власти; а) Продолжение их уничтожения, порчи; б) заботы об их сохранении; 3. Изучение древностей Крыма (самая большая глава), доведенная до настоящего времени. На эту работу я употребил много времени и труда, и рад, что оканчиваю её (собственно говоря, окончил) как раз к 50-летию моей жизни в Крыму, связанной прошлым его и его древностями » [24]. Арсений Иванович интересовался, не поможет ли Н.Я. Марр с публикацией данной работы. Наверняка, крымский историк имел в виду возможность напечатать свой труд по истории охраны и изучения крымского культурного наследия в «Известиях Государственной академии истории материальной культуры». Очевидно, Н.Я. Марр запросил текст статьи в Ленинград. 27 июля 1933 г. А.И. Маркевич сообщал, что передал свою статью о памятниках в ГАИМК через своего зятя, профессора Н.С. Кошлякова, проживавшего в Ленинграде, и просил Н.Я. Марра посмотреть её [25].

Последнее из сохранившихся писем А.И. Маркевича к Н.Я. Марру датировано 27 сентября 1933 г., где также оговариваются вопросы истории памятникоохранительной работы в Крыму [26].

Еще одна интересная линия коммуникации Н.Я. Марра с крымскими учеными – Константин Эдуардович Гриневич. Крупная, противоречивая фигура не только в крымоведении, организатор науки в масштабах всей РСФСР, этот человек сделал очень много для крымской археологии, музейного дела, охраны культурного наследия, в целом. Однако биографические исследования, раскрывающие деятельность К.Э. Гриневича в Крыму не охватывают полностью все ее грани.

Судьба впервые тесно свела Н.Я. Марра и К.Э. Гриневича в октябре 1919 г., когда принималось решение о замещении должности директора Керченского музея, подчиненного Российской государственной Археологической комиссии. Хотя в это время в Крыму главенствовали Вооруженные силы Юга России, подвластные А.И. Деникину, научные связи Петроград-Керчь оста-

вались нерушимыми. 6 ноября 1919 г. Константин Эдуардович – вчерашний приват-доцент Петроградского университета – возглавил Керченский музей древностей. Он смог за короткое время развернуть здесь активную деятельность по охране культурного наследия, открыл Археологические (культурно-просветительные) курсы, которые осенью 1920 г. были преобразованы в Боспорский университет, организовал систематические археологические исследования, смог в условиях жесточайшего дефицита издать путеводители по Керченскому музею древностей на русском и, с учетом большого количества представителей военных Антанты, на французском языке. Не выдержав жестокого голода, свирепствовавшего на полуострове в 1921 г., К.Э. Гриневич сбежал в столицу, бросив музей на произвол судьбы. Безусловно, в Археологической комиссии, ставшей вскоре Российской академией истории материальной культуры, ему этого не простили.

В рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН нами выявлена содержательная переписка сотрудника Керченского музея Юлия Юльевича Марти с руководством в Петрограде. Фрагменты писем проливают свет на отдельные страницы биографии К.Э. Гриневича. Ю.Ю. Марти сообщал в Академию истории материальной культуры 15 октября 1921 г.: «положение служителей бедственное, жалование было по 1 мая. Т.к. трехмесячный отпуск Гриневича истек, он, видимо, решил остаться на жительство в Петрограде, я просил бы утвердить меня директором. Я получил историко-филологическое образование, окончил Историко-филологический институт по классическому отделению в 1897 году. Археологией занимаюсь с 1904 года. Тогда занял должность директора Мелек-Чесменского кургана» [27].

А вот строки из переписки того же Ю.Ю. Марти уже с самим К.Э. Гриневичем, находившимся в столице. 19 августа 1921 г. Ю.Ю. Марти, понимая, что директор не собирается возвращаться на свое официальное место работы, написал ему: «Если Вам удастся остаться в Петрограде, прошу ходатайствовать перед АИМК о назначении меня заведующим» [28]. Продолжая тему ужасного положения научных сотрудников музея, Ю.Ю. Марти сообщал тому же адресату в 1922 г.: «Керчане один за другим бегут из Керчи. Становится как-то жутко в ожидании новой зимы. Кто уцелеет, а кто и нет. Борьба становится все тяжелее, а сил все меньше» [29].

Такое поведение Константина Эдуардовича во многом объясняет отношение к нему в АИМК, о чем явствует следующее письмо. 17 октября 1924 г. Константин Эдуардович в официальном послании «Председателю Академии истории материальной культуры Н.Я. Марру» сообщил:

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Мне так и не удалось дожидаться Вас в Ак[адемическом] Центре, в Академии я Вас не застал, и так как я очень хочу поделиться с вами некоторыми важными для меня соображениями, то разрешите это сделать в форме частного письма. Пишу вам эти строки как к Председателю АИМК именно в форме частного письма, на которое прошу так и смотреть. То, о чем я буду говорить, является для меня большим вопросом и я долго не решался говорить о нем (я не люблю шуметь), целых два года! – но в результате моего оставления этого вопроса открытым, я затерт, мои работы не печатаются, а Вы лучше меня знаете, как важно для молодого ученого иметь печатные «опусы», я сам 75% своего времени должен отдавать постороннему труду (работа на Рабфаке, сотрудничество [так в тексте – *авт.*] в журналах не по специальности...). Годы идут, лучшие годы, этого пропуска не вернуть и я невольно оказываюсь в хвосте научной работы, для которой я так много уже отдал времени и сил... Что делать? Помогите мне. А помощь нужна вот в чем: уже с 1915 года я идеологически связан с Археологической Комиссией, вся моя работа над древностями нашего классического юга связывает меня в смысле общностей заданий с Вашим учреждением, которое почему-то смотрит на меня совершенно по непонятным для меня причинам в высшей степени косо и враждебно. Мои доклады снимались с очереди, меня изолировали (не говоря уже о сокращении, когда мне было предложено вместо штатного регистратора – смешно быть регистратором с 6 летним стажем самостоятельной исследовательской работы в Университете, как приват-доцента – было предложено быть сверхштатным научным сотрудником, а потом запрещено даже было и так именоваться) (и, что было особенно чувствительно, мои доклады (о таманском саркофаге – помните?, о реставрации одного краснофигурного обломка) не печатались, лежа по 15–20 месяцев без надежды увидеть свет... И сейчас эти доклады у меня как специально археологические, напечатать их нигде... Их ценность проверена Б.В. Фармаковским.

Скажите, я мог работать при этих условиях, видя, что главной причиной было просто то, что физиономия моя, вероятно, кому-нибудь не понравилась... и всюду идет это отношение, замеченное даже москвичами: Академия, не могущая меня не знать с 1915 года, как работника в области юга Росси, почти оказывает в выдаче мне Открытого листа, и не на раскопки, а на разведки... Далее, инцидент с организованным мною в Севастополе Семинарием? А последняя гнусная клевета на меня, будто я... арестовал Моисеева? И даже Вы попались на удочку, поверив этой гнусной порочащей моё имя клевете, не потрудившись её проверить... разве все это идет не из Академии?

Не смотрите на это письмо, будто я прошусь к Вам на службу, но с чисто государственной точки зрения скажите, разве нормально оставлять за бортом многолетнего квалифицированного работника, на которого столько сил истрачено государством, а наполнять учреждения иным элементом? В проем, что не мое дело... Когда нас сняли с ак[адемического] пайка, я почти голодал, я должен был заняться и теперь занимаюсь на 75% посторонней литературно-учебной работой, и в то же время героически, именно, героически продолжаю свои работы в любимой области. Но я вчетверо медленней иду по своей дороге...

Словом, как будто выходит, что Академия не концентрирует молодые силы вокруг себя, а как будто их душит, да, именно душит, ибо иначе я не могу назвать политику Ак[адемии] по отношению ко мне...

Теперь мне предложено заведование Херсонесом, который идеологически связан с Академией, где будут работать сотрудники Академии и т. д. Скажите, нормально все то, о чем только что говорил и как связать все это? Надо во что бы то ни стало пользу дела поставить выше личных отношений... Скажите, разве нормально, что мне 2 года отказывали в Эрмитаже в занятиях над акварельными керченскими вазами? Я деликатен, не хотел шуметь, но факт возмутительный <...>.

К. Гриневич.

ул. Халтурина, 5, кв. 8.

Спросите Орбели, что стало с моим, довольно большим исследованием об ушебти, последнюю корректуру он мне отдал в 1918 году? Кажется, он повинен в оставлении за бортом уже набранного текста (для Зап. Восточного отделения Русского Археологического О-ва [30]).

Таким образом, становится ясно, что неординарные организационные способности, проявленные К.Э. Гриневичем на посту директора Керченского музея не были забыты и он и далее привлекался к работе в Археологической комиссии, но не в той мере, в какой ему бы хотелось. А назначение в Херсоне еще раз подчеркивает симпатию к его деятельности руководившего АИМК Н.Я. Марра. Кстати, рукопись К.Э. Гриневича «Египетские погребальные статуэтки «ушебти»» нам удалось выявить в личном архивном фонде академика И.А. Орбели [31].

К.Э. Гриневич познакомился с авторитетным кавказоведом Иосифом Абгардовичем Орбели еще в досоветское время, когда последний являлся секретарем Восточного отделения (1914–1918) Русского археологического общества. В 1918–1920 гг. И.А. Орбели являлся ученым секретарем вновь созданной Коллегии по делам музеев при Российской государственной археологической комиссии. С 1918 г. он, как один из активнейших организаторов трансформации императорской Археологической комиссии в Российскую академию истории материальной культуры также – член совета РГАК/РАИМК. Именно И.А. Орбели способствовал назначению К.Э. Гриневича на пост директора Керченского музея древностей и очень болезненно воспринял его бегство из Керчи и факт того, что музей был просто брошен на произвол судьбы.

К теме взаимоотношений с И.А. Орбели К.Э. Гриневич возвращается в письме к Н.Я. Марру от 28 октября 1926 г.: «Орбели продолжает меня травить. Боюсь, что дело об этом придется мне перенести в Секцию научных работников, если он не уймется. Я же не могу допустить безнаказанного опорочения моего доброго имени» [ПФАРАН, ф 800, оп. 3, д. 276, л. 2].

Переписка Константина Эдуардовича с Н.Я. Марром активизировалась в 1927 г. в связи с организацией в Севастополе К.Э. Гриневичем Второй

Всесоюзной конференции археологов 10–13 сентября. Успех конференции, проведенной в Керчи, подтолкнул К.Э. Гриневича к проведению аналогичного съезда крымоведов на базе возглавляемого им Херсонесского музея. Уже в начале 1927 г. в Москве, Симферополе и Севастополе были созданы специальные комиссии по организации торжественного празднования столетия начала археологического изучения на территории Херсонеса и созыва по этому поводу Конференции археологов СССР. Московская комиссия, организованная по распоряжению Главнауки Наркомата просвещения РСФСР 15 февраля 1927 г. состояла из Б.С. Жукова (председатель), Д.В. Айналова, В.А. Городцова, С.П. Григорова, К.Э. Гриневича, Б.Н. Засыпкина, Н.И. Новосадского, Н.Д. Протасова и Б.В. Фармаковского. Симферопольская организационная комиссия была создана соответствующим решением Наркомата просвещения Крымской АССР 5 марта 1927 года в составе И.П. Бирзгала, У.А. Боданинского, П.И. Голландского, К.Э. Гриневича, А.Н. Деревницкого, А.И. Маркевича, Ю.Ю. Марти, Д.С. Спиридонова, Н.Л. Эрнста. Именно здесь составлялась программа конференции, которая потом утверждалась в Москве. Аналогичная комиссия в Севастополе, созданная решением местного райисполкома, занималась исключительно организационными делами: Х.К. Циммер (зам. председателя исполкома – председатель комиссии), К.И. Гриневич, К.Э. Гриневич, В.В. Красникова, В.С. Торопов. При этом Государственная академия истории материальной культуры, не без стараний К.Э. Гриневича, оказалась в стороне от непосредственной организации съезда.

Так, 16 мая 1927 г. К.Э. Гриневич в письме к своему ленинградскому коллеге просил разрешение на выдачу ему из архива ГАИМК рукописи Н. И. Репникова «Раскопки Херсонесского некрополя в 1908 г.». При этом Гриневич оговорил, что «согласие автора получено» [33]. Далее он продолжал традиционную тему про свои взаимоотношения с Государственной академией истории материальной культуры: «Я думаю, раз Вы говорите, что трения между мной и Академией ликвидированы, можно снова поднять вопрос о Херсонесском сборнике, но уже в иной плоскости: издать в нем те доклады и те материалы, которые будут доложены на Херсонесской конференции.

Мне кажется, что кто-то упорно, но скрыто мешает наладить связь между Академией и Херсонесом. Ведь – странное и удивительное дело: уже 3 года идет только разговор. Где-то есть скрытые пружины этого явления... Ради пользы дела было бы желательно все это ликвидировать» [34].

В письме от 2 июня 1927 г. К.Э. Гриневич сообщал Н.Я. Марру о находках при исследовании «в армяно-католической церкви Карасубазара»: деревянные двери из Ани (разбиралась надпись и датировка, орнамент). За подробностями

Гриневич рекомендовал Н.Я. Марру обратиться к Абдул Гамиду Шейх-Заде или в КрымОХРИС в Симферополе [35].

20 июля 1927 г. директор Херсонесского музея официально приглашал руководителя ГАИМК на Херсонесскую конференцию:

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Очень прошу почтить личным присутствием Херсонесский съезд, которому Вы, – я лично от Вас это слышал, – сочувствуете. Не взирая на множество трений, – мне удалось добиться его организации и теперь нужно добиться полного и хорошего проведения съезда.

Мы все надеемся, что Вы приедете на съезд с докладом [36].

Мандатной комиссией Конференции в Херсонесе было зарегистрировано 88 членов, которые представляли четыре союзные республики СССР: РСФСР (76 делегатов, в т.ч. из Крыма – 48), УССР (8 представителей), БССР (1 делегат) и Закавказскую ССР (1 ученый). Было представлено двадцать городов Советского Союза. Наибольшим числом делегатов выделялись Симферополь (19 человек), Севастополь (18), Москва (16), Ленинград (10). Посредством своих делегатов в Конференции приняли участие 57 учреждений и организаций [37, с. 5–6].

Приглашение на Конференцию в Херсонесе Н.Я. Марр проигнорировал. В.И. Филоненко в письме к И.Ю. Крачковскому так охарактеризовал второй опыт советского археологического съезда: «С горя уехал в Херсонес на конференцию, которая, нужно сказать, прошла очень и очень вяло. Мало было приезжих, человек 60 не более, неинтересные доклады, более восхваляли Гриневича, так, что можно было подумать, что происходит не столетний юбилей раскопок, а юбилей Гриневича» [38].

Переписка К.Э. Гриневича и Н.Я. Марра продолжалась и позже, после перевода Константина Эдуардовича на работу в Москву. Так в письме от 26 января 1929 г. он обговаривал с руководителем ГАИМК инструкции к Открытым листам, а также работу раскопочной комиссии. Последнее из сохранившихся писем датировано 10 ноября 1930 г. и посвящено переводу статьи.

Выявление, анализ и введение в научный оборот новых источников личного происхождения позволяет по-новому интерпретировать ранее известные события в крымоведении и значительно дополнить биографии крупных деятелей науки живыми фактами из отзывов их современников-коллег. Это способствует объективному воссозданию интеллектуального напряжения научной жизни в крымской провинции в довоенное время.

Источники и литература

1. *Непомнящий А.А.* Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А.А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с., ил. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 3).

2. Там же.
3. *Голубева О.Д.* Н.Я. Марр / О.Д. Голубева. – СПб., 2001.
4. *Платонова Н.И.* Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки / Н.И. Платонова // Археологические вести. – 1998. – № 5. – С. 371–382.
5. *Платонова Н.И.* «Беззаконная комета на научном небосклоне» : Н.Я. Марр / Н.И. Платонова // Знаменитые универсанты. – СПб., 2002. – Т. 1. – С. 156–178.
6. *Марр Н.Я.* Заметка о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе / Н.Я. Марр // Известия имп. Археологической комиссии. – 1904. – Вып. 10. – С. 106–108.
7. *Марр Н.Я.* Приложение к статье М. И. Ростовцева «Бронзовый бюст боспорской царицы» / Н.Я. Марр // Древности : труды имп. Московского археологического общества. – М., 1916. – Т. 25. – С. 27–31.
8. ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 1.
9. *Непомнящий А. А.* Указ. соч.
10. ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 2.
11. Там же.
12. *Непомнящий А.А.* «Труды» Археологических съездов как источник изучения развития исторического краеведения Крыма / А.А. Непомнящий // Проблеми історії та археології України : зб. доп. Міжнар. наук. конф. до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жов. 2002 р. / Харківський нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. – Х., 2003. – С. 8–11.
13. *Непомнящий А.А.* Археологічні з'їзди та розвиток кримознавчих досліджень за дорядянської доби / А.А. Непомнящий // Питання історії науки і техніки. – 2007. – № 2. – С. 9–19.
14. *Летопись Российской академии наук / гл. ред. Ю.С. Осипов : в 4 т. – СПб. : Наука, 2007. – Т. 4 : 1901–1934 / отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. – 1052 с.*
15. См. тезисы выступления ученого на конференции: Марр Н. Я. Скифский язык: [тезисы] / Н.Я. Марр // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – Керчь, 1926. – № 2. – 6 сент. – С. 1. См. публикацию полного текста доклада: *Марр Н.Я.* Скифский язык // [Марр Н.Я.] По этапам развития Яфетической теории : сб. ст. Н.Я. Марра / Н.Я. Марр ; Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур Востока СССР; № 8. – М. ; Л., 1926. – С. 336–387.
16. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 177–178.
17. *Марр Н.Я.* Значение и роль изучения нац. меньшинств в краеведении / Н.Я. Марр // Краеведение. – 1927. – № 1. – С. 1–20; То же / Н.Я. Марр. – Л., 1927. – 20 с.
18. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 15, л. 497–517.
19. ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 3.
20. *Марр Н.Я.* К вопросу о топонимике Крыма : к его методологической постановке / Н.Я. Марр // ИТОИАЭ.– 1927.– Т. 1 (58).– С. 115–118.
21. ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 4.
22. *Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический источник: Топонимические данные крымских архивов: [Тезисы] / А.И. Маркевич // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи.– Керчь, 1926.– № 4.– 8 сент.– С. 1.
23. ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 5.
24. Там же, л. 6–6 об.
25. Там же, л. 7.
26. Там же, л. 8.
27. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 53–54.
28. Там же, л. 48–49.
29. Там же, оп. 1 (1922 г.), д. 59, л. 7.

30. ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 1–1 об.
31. Там же, ф. 909, оп. 5, д. 15, л. 1–12.
32. Там же, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 2.
33. Там же, л. 3.
34. Там же.
35. Там же, л. 4.
36. Там же, л. 5.
37. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года : по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей ; под ред. А.Н. Деревицкого, К.Э. Гриневича, Н.Л. Эрнста. – Севастополь, 1927. – С. 5–6.
38. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 219 об.

Непомнящий А.А. Кримські сюжети біографії М.Я. Марра

На підставі епістолярних джерел, які зберігаються у Санкт-Петербурзькій філії Архіву Російської академії наук й уперше вводяться до наукового обігу, відтворено наукові та міжособистісті комунікації голови Державної академії історії матеріальної культури Миколою Марром і провідних кримознавців доби – Арсенія Маркевича та Костянтина Гриневича. На матеріалах нових документів відновлено вплив науковців на хід видатних кримознавчих заходів, що проводилися того часу в Криму, зокрема – двох Конференцій археологів СРСР у Керчі та Херсонесі. Відновлено невідомі сторінки історії кримознавства.

Ключові слова: М.Я. Марр, К.Е. Гриневич, А.І. Маркевич, кримознавство, Конференції археологів СРСР в Керчі та Херсонесі, епістолярна спадщина.

Nepomnyashchy A.A. Crimean stories N.Ya. Marr's biography

On the basis of the epistolary sources of the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences, being introduced to the scientific circulation at first, the academic and personal communication with Chairman of the State Academy of history of material culture Nikolai Marr leading concerned Crimea era – Konstantin Grinevich and Arseniy Markevich was restored. The influence of the leading figures of science to conduct large events on studying of the Crimea taking place at that time in Crimea, including two Conferences archaeologists USSR in Kerch and Chersonese, was restored on materials of new documents. Unknown pages of the history of studying of the Crimea was restored.

Key words: N.J. Marr, K.E. Grinevich, A.I. Markevich, studying of the Crimea, the Conference of archeologists of the USSR in Kerch and Chersonese, epistolary heritage.

Подано до друку: 17.03. 2014 р.